Слово редактора-составителя

Владимир С. Малахов

Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия
ORCID:0000-0003-0154-5785

Национализм: ускользающий объект

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-8-30

Резюме:
Автор называет национализм ускользающим объектом по той причине, что данный термин отсылает к огромному множеству разных политико-идеологических явлений. Дополнительную сложность исследованиям национализма придают пейоративные коннотации слова «национализм» в обыденном языке. Это порождает возможность делегитимации того или иного политического проекта в глазах широкой публики. Обращаясь к различию российского и восточноевропейского контекстов, автор показывает, что в период радикальных социетальных трансформаций рубежа 1980-1990-х векторы национализма и демократизации в Восточной Европе совпадали, а в России, напротив, расходились. Для восточных европейцев крушение коммунистических режимов означало движение прочь от авторитарного центра в Москве в сторону демократического Запада, в силу чего националисты и демократы выступали союзниками. В России же демократизация как вестернизация означала отказ от традиций национальной (исторически авторитарной) государственности (в силу чего русский национализм изначально был антизападным, антилиберальным и антидемократическим). Если русский национализм в своей этнической версии был и остается маргинальным, то в своей этатистской версии он набирал силу. Массовая фрустрация, связанная с утратой былого ощущения

Малахов Владимир Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Институт общественных наук РАНХиГС. Москва, Россия. Научные интересы: этничность и национализм, культурное разнообразие, миграционные исследования, исследования гражданства. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru
Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
Acknowledgments: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

принадлежности к великой стране, оказалась мощным фактором политической мобилизации, который был успешно использован Кремлем для формирования «Крымского консенсуса». Парадоксальным образом Россия в середине 2010-х оказалась в том же идеологическом тренде, который отчетливо наметился в ряде восточноевропейских стран, особенно в Венгрии и Польше. Это демонстративное дистанцирование от (западного) либерализма во имя сохранения собственной национальной идентичности. Однако антилиберальный поворот в Восточной Европе в отличие от России был инспирирован в первую очередь социально-экономическими причинами. Далее в первой части статьи затрагивается вопрос о неожиданных сюрпризах на идеологическом поле, как национального, так и глобального уровней, которые принесла с собой пандемия КОВИД-19. Вторая часть представляет собой краткий обзор статей, вошедших в настоящий выпуск.

Ключевые слова: национализм, Восточная Европа, Россия, национализирующиеся государства, методологический национализм, пандемия КОВИД-19

Vladimir S. Malakhov[1]

RANEPA, Moscow, Russia

Nationalism: an Elusive Subject

Abstract:

The author considers nationalism an elusive subject because this concept refers to a great variety of political and ideological phenomena. Research into nationalism is further complicated by the pejorative connotations that the very term has in everyday language. This enables those who use these connotations to de-legitimize some political projects. Addressing the difference between the Russian and Eastern European contexts, the author argues that—during the period of the radical societal transformations at the turn of the 1980-1990s—the vectors of nationalism and democratization in Eastern Europe coincided, while in Russia, on the contrary, they diverged. For the Eastern Europeans the collapse of the communist regimes meant an opportunity to emancipate from authoritarian Moscow and to move toward the democratic West; hence nationalists and democrats were allies in these countries. Contrary to that—for the Russians—democratization as westernization meant renouncing the tradition of a national statehood which has been authoritarian throughout history. Whereas Russian nationalism in its ethnic form always has been and remains marginal, the statist form of Russian nationalism is gaining momentum. Mass frustration generated by the loss of the former sense of belonging to a great power proved to be a significant factor of political mobilization. It was successfully used by the Kremlin to shape a “Crimea

1 Vladimir S. Malakhov — Prof. Dr., ISS, RANEPA, Moscow, Russia. Research interests: Nationalism and ethnicity, cultural diversity, migration studies, citizenship studies. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

consensus". Paradoxically, since the middle of 2010s, Russia has joined the same ideological trend which appeared in many Eastern European countries, especially in Hungary and Poland. This trend is characterized by a demonstrative distance from (Western) liberalism for the sake of preserving national identity. However, the anti-liberal turn in Eastern Europe, in contrast to Russia, was inspired primarily by socio-economic factors. Further, in the first part of the paper, the author addresses the surprises on the ideological field caused by the COVID-19 pandemic, both at national and global levels. The second part of the paper provides a brief overview of the articles included in this issue.

Keywords: nationalism, Eastern Europe, Russia, nationalising states, methodological nationalism, COVID-19

Мануэль Кастельс подметил однажды важный эмоциональный и идеологический перевертыш конца позднего модерна. Если в течение всего XIX и большей части XX столетий *националистическим элитам* противостояли равнодушные к национализму, если не сказать, *космополитические, массы*, то затем все поменялось [Кастельс 2000][1]. На рубеже XX-XXI веков *националистические массы* противостояли *космополитическим элитам*. Лишенные мобильности, привязанные к национальному производству низы, с одной стороны, и бесконечно мобильные, а потому никак не связывающие свою судьбу с какой-либо территорией верхи, с другой стороны, — вот реальность постмодерна, красочно описанная Зигмунтом Бауманом [2002].

Впрочем, такая генерализация, как это часто случается с генерализациями, на поверку оказывается не слишком точной. Эмпирический материал слишком многообразен, подвижен и противоречив, чтобы его можно было ухватить столь простой схемой. А если учесть головокружительное многообразие явлений, обозначаемых термином «национализм», то аналитикам, пишущим о таком «объекте», вообще не позавидуешь.

Слово «национализм» отсылает к разным вещам: от усилий государств по культурной гомогенизации населения, находящегося под их юрисдикцией, до попыток этнических меньшинств образовать собственное государство, от реформ, нацеленных на социально-экономический прорыв, до реакционного охранительства во имя «национальной консолидации». Идеологические доктрины и символические системы, на которые опираются те или иные национа-

1 Такие эксцессы, как массовый патриотический энтузиазм накануне Первой мировой войны, почти во всех странах-участницах можно отнести к исключениям, подтверждающим правило.

листы, столь отличны друг от друга, что исследователи иногда ведут речь не о национализм*е*, а о национализм*ах* [Hall 1993; Guibernau 1996; Тишков, Шнирельман 2007].

Идея нации служила Махатме Ганди средством борьбы с колониальным правлением, а Дональду Трампу — выражением американской исключительности. От имени нации ныне покойный Эдуард Лимонов пытался бунтовать против «антинародного режима», а телепропагандисты с центральных каналов от того же имени оправдывают любые действия Кремля. Ярлык «националистический», приклеенный к политической партии или публичному политику, ассоциируется с ксенофобией. И в случае г-жи Ле Пен во Франции или Виктора Орбана в Венгрии такая ассоциация вполне уместна. Но вместе с тем этот ярлык может помешать разглядеть вполне разумную и, собственно, единственно возможную с точки зрения интересов страны политику в том или ином контексте. Риторический вопрос: стали ли бы Южная Корея, Таиланд и другие «азиатские тигры» тем, чем они стали, если бы лидеры их правительств в свое время не были националистами и не уберегли национальную валютную систему от разрушения Ее Величеством Биржей?

Иными словами, налицо теоретическая трудность, обусловленная пейоративными коннотациями термина. Называя кого-то националистом, мы частично делегитимизируем отстаиваемый им политический проект. Например, секулярный национализм на Ближнем Востоке и Передней Азии, какими бы проблематичными с точки зрения либерально-демократических стандартов ни были его носители, играл в целом положительную роль в истории региона. Секулярные националисты противостояли как исламизму, так и империализму. Вспомним хотя бы Абделя Насера в Египте или Мохаммеда Мосаддыка в Иране. Они проводили политику, отражавшую жизненные интересы граждан их стран, и, разумеется, пользовались массовой поддержкой. Но коль скоро эта политика вступала в противоречие с видением будущего региона в Вашингтоне, они сталкивались с жесточайшим внешним давлением, частью которого были пропагандистские кампании по их дискредитации как «авторитарных правителей»[1]. Весьма вероятно, что живи Мосаддык сегодня, к его политике приклеили бы ярлык «ресурсного национа-

1 Напомним, что демократически избранный Мосаддык был свергнут в результате военного переворота, организованного американскими спецслужбами, вскоре после того, как объявил о национализации нефтяных месторождений. ЦРУ причастно к организации переворота в Иране в 1953 г. (https://www.bbc.com/russian/international/2013/08/130820_cia_iran_coup)

лизма»[1]. Более недавние примеры — свержение Саддама Хуссейна в Ираке и Муаммара Каддафи в Ливии — еще свежи в памяти ныне живущих поколений.

Данный очерк состоит из двух частей. Мы начинаем с описания общемировых трендов, имеющих прямое или косвенное отношение к национализму, затем переходим к анализу ситуации в Восточной Европе и России, после чего кратко затронем постсоветские страны. В заключение первой части коснемся вопроса о влиянии пандемии КОВИД-19 на диспозиции в идеологическом поле индустриально развитых стран. Вторая же часть представляет собой краткий комментарий к вошедшим в данный выпуск статьям.

I.1. Мировые тренды

Есть ученые, компетентность и авторитет которых позволяет им рисовать картину с высоты птичьего полета. К таким, несомненно, принадлежал Клиффорд Гирц, в одном из своих интервью заявивший, что академическое сообщество преувеличило роль национализма в современной политике.

> ... национализм как творческая и позитивная сила, как мне кажется, уже не так важен и значителен, как раньше считали теоретики Третьего мира. Он больше не движет события. С другой стороны, ислам еще остается движущей силой. Отчасти причина этого — крах панарабизма, панарабского национализма, из-за чего ислам выдвинулся на первый план. Но в общем я считаю, что прежние исследователи, включая Эрнеста Геллнера, Бена Андерсона и меня самого, переоценивали национализм, приписывали ему более важное место, чем он занимал или занял позже [Гирц 2004].

Позволю себе заметить, что Гирц здесь явно несправедлив к Геллнеру. Британский ученый как раз не был склонен к преувеличению значимости национализма в сегодняшнем мире. По его мысли, «миф нации», так же как и «миф класса», играли ключевую роль в политической жизни XIX и большей части XX столетий, но впоследствии эту роль утратили. Сегодня ни один из этих мифов — ни националистический, ни марксистский — «нам уже не нужен»,

1 Примечательно, что не так давно, когда одну из улиц в Тегеране назвали в честь Мосаддыка, «Нью Йорк Таймс» комментировала это в иронично-издевательском ключе: мол, иранские власти не нашли ничего лучшего, как воскрешать память «националистических эксцентриков». Eccentric Nationalist Beget Strange History. *The New York Times*, 7 December 2009. (https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/world/mideast/041600iran-cia-mossadegh.html)

заключает он свой программный трактат [Геллнер 2003]. Кроме того, в своих поздних работах Геллнер специально останавливается на роли ислама как фактора массовой мобилизации, по сути, высказывая ровно тот тезис, с которым здесь выступает Гирц.

На мой взгляд, оценка потенциала того или иного политико-идеологического проекта — неблагодарная задача. Такая оценка неизбежно субъективна, будучи ограничена временным и биографическим горизонтами наблюдателя. В течение трех десятилетий после Второй мировой войны большинству социальных ученых казалось, что национализм постепенно, но неизбежно уходит в прошлое [Kedurie 1960; Deutsch 1966; Кедури 2010]. В конце 1970-х Исайя Берлин поднимает вопрос об ошибочности такого представления, вынеся свой тезис в название знаменитой статьи[1]. С тем, что феномен национализма недооценили, тогда был согласен и такой корифей *nationalism studies,* как Бенедикт Андерсон. Проходит еще полтора десятилетия, и Гирц заявляет, что его коллеги переоценили значимость данного феномена. Однако десять лет спустя происходят события, заставляющие в очередной раз заняться настройкой оптики. Я имею в виду подъем правового популизма в 2010-е (а что это как не национализм?), наблюдаемый в самых разных точках мира, от США до Филиппин и от Бразилии до Польши.

I.2. Восточная Европа и Россия

В свое время Дмитрий Ефимович Фурман, анализируя исторический сдвиг рубежа 1980-1990-х, обратил внимание на контраст между Восточной Европой и Россией. Если там векторы национализма и демократизации совпадали, то здесь они расходились. Для восточных европейцев крушение социалистического блока означало движение прочь от авторитарного центра в Москве в сторону демократического Запада. Поэтому националисты в странах советского блока выступали естественными союзниками демократов и либералов. В России ситуация была принципиально другой. Для наших националистов демократизация, либерализация и вестернизация означали распад государства, отказ от роли сверхдержавы и расставание с национальной традицией (коль скоро эта традиция

1 Она называлась «Национализм: вчерашнее упущение и сегодняшняя сила» [Берлин 2001]. Стоит, правда, оговориться, что в европейской социальной мысли тех лет была представлена и иная точка зрения, в том числе среди авторов левой ориентации. Вспомним хотя бы работу Тома Нейрна «The Break-Up of Britain» [Nairn 1977]. Она тогда могла показаться причудой марксистского ума, однако двадцать лет спустя зазвучала по-новому и была переиздана. См. также [Nairn 1990; Нейрн 2003].

имперская и автократическая). Поэтому русский национализм изначально представлял собой антидемократический, антилиберальный и антизападный проект.

Надо, однако, заметить, что поначалу носители националистических идей в России (будь их национализм этническим или этатистским) находились в явном меньшинстве. Наши этнонационалисты, от активистов общества «Память» перестроечных времен до участников «Русских маршей» начала — середины 2000-х, были маргиналами; маргиналами они остаются и сейчас[1]. Иная судьба ждала государственников. Если во время первых демократических выборов (в тогдашний Верховный совет) их лозунги не нашли широкого отклика в массах[2], то спустя несколько лет ситуация изменилась. Президентские выборы 1996 г. сулили (и, по некоторым данным, де факто принесли) победу кандидату от патриотического блока Геннадию Зюганову. Последний ассоциировался у избирателей с курсом не только на социальную справедливость, но и на великодержавность, от которой Гайдар и его команда демонстративно дистанцировались. Власть извлекла отсюда урок, и начиная со второй каденции Владимира Путина мы являемся свидетелями методичного разворачивания идеологической машины в сторону символического восстановления тысячелетней российской государственности. В идеологическом коктейле, изготовляемом официальной Москвой, растворены все исторические разрывы, включая революцию 1917 года. История государства предстает как череда триумфов, в которой Сталин наследует Ивану Грозному, а командиры Красной Армии — Александру Невскому и Михаилу Кутузову.

Сколь бы ни иронизировали по поводу риторики «вставания с колен», но массовая фрустрация, связанная с утратой былого ощущения принадлежности к великой стране, оказалась мощным политическим фактором, не использовать который кремлевские политтехнологи просто не могли. «Крымский консенсус», возник-

1 Целый ряд мер символической политики позволил власти успешно перехватить повестку этнонационалистов — введение Дня народного единства (2004), запуск «Русского проекта» Единой России (2007) и т.д. Сокрушительным ударом по ним стало присоединение Крыма в 2014 г. (когда большинству активистов этого течения ничего не оставалось, как одобрить действия Кремля). Наконец, вовлечение России в события на Востоке Украины привело к тому, что практически все «пассионарии» русского национализма физически переместились на Донбасс. О феномене русского этнонационализма см. публикации информационно-аналитического центра «Сова», а также работы его руководителя и вдохновителя Александра Верховского [2007; 2014a; 2014b; Verkhovsky 2018].

2 «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

ший в 2014 году, — яркая иллюстрация компенсаторной функции, выполняемой национализмом. В российском случае это была компенсация травмы, вызванной распадом государства, которое российские (тогда советские) граждане считали своим.

Впрочем, невосприимчивость сегодняшней России к либеральным идеям (столь влиятельным в Западной Европе) обусловлена не только и не столько особенностями российского геополитического воображаемого. Острая аллергия на либерализм в широких слоях российского населения вызвана в первую очередь социально-экономическими причинами. А именно его прочной привязкой к тому политическому курсу, результатом которого стало зашкаливающее социальное расслоение[1].

В итоге Россия оказалась в том же идеологическом тренде, который отчетливо наметился в восточноевропейских странах. Я имею в виду демонстративное дистанцирование от (западного) либерализма во имя сохранения собственной национальной идентичности. Восточные европейцы, которые воспринимали поворот 1989 года не иначе как сквозь призму сравнения с 1789 годом во Франции, сегодня в массе своей глубоко обескуражены и склонны поддерживать как раз националистов, а не либералов. Что случилось?

Стремительный демонтаж авторитарных режимов, символом которых стало падение Берлинской стены, и в самом деле наводил на мысль о Французской революции. Многим тогда казалось, что жизнеспособных альтернатив либерально-демократическому проекту, реализованному на Западе, не существует, а потому восточным европейцам ничего не остается, как пройти по пути «транзита», чтобы через некоторое время оказаться в той же точке исторического развития, в которую пришел Запад. (Здесь всем на ум приходит нашумевшее эссе Фрэнсиса Фукуямы, от ссылки на которое мы воздержимся[2].) Эйфория, правда, продлилась недолго. Спустя несколько лет после начала «транзита» выяснилось, что блага и бремя нового общественного устройства распределены крайне неравномерно. Богатство и процветание коснулось узкой прослойки, тогда как большинство очутилось на грани выживания. В результате настроения восточных европейцев решительно переменились. Энтузиазм по поводу открытого общества уступил

1 В конце 1990-х Борис Березовский высказывался в пользу создания партии под названием «Либеральная Россия». Непонятно, как столь неглупый человек мог потерять политическую интуицию — к тому времени шансы получить сколько-нибудь значимую поддержку избирателей для такой партии уже приближались к нулю.

2 Подробный разбор академических работ, выполненных в парадигме «исследований транзита», см. [Капустин 2001].

место враждебности к нему[1]. Драматично вырос уровень ксенофобии по отношению к историческим меньшинствам и мигрантам. Набирают кредит доверия крайне правые, ультранационалистические партии и движения. Некоторые англоязычные политологи и журналисты поспешили объяснить эти процессы отсталостью восточноевропейской политической культуры. Жители Восточной Европы еще раз подтвердили то, что западные европейцы о них всегда знали: европейские ценности в этом регионе усвоены поверхностно, а потому местные жители при первом столкновении с трудностями, неизбежными в процессе реформ, впадают в трайбализм и этноцентризм[2].

Подобные объяснения демонстрируют не только теоретическую беспомощность их авторов, но и непродуктивность психологизма как метода. Причины того, почему либерализм в Восточной Европе был побежден национализмом, лежат не в менталитете и не в политической культуре. Либерализм был идеологией, легитимировавшей политико-экономические трансформации рубежа 1980-1990-х годов в Восточной Европе. А коль скоро эти трансформации обернулись обнищанием большинства и обогащением кучки избранных, эта идеология не могла не оказаться делегитимированной. Впрочем, у жителей Восточной Европы существовала возможность исправить свое бедственное положение, физически переместившись в Западную Европу. Есть злая ирония в том, что после Французской революции 1789 года из страны эмигрировали побежденные, а после «революции» 1989-го из Восточной Европы эмигрировали победители [Крастев 2021]. Миллионы жителей восточноевропейских стран двинулись на Запад в поисках лучшей доли. Между 1989 и 2017 годами из бывших стран Варшавского договора уехало от 21 до 27 % населения. Свою страну покинул каждый пятый гражданин Болгарии и каждый четвертый гражданин Латвии [Крастев 2021: 55].

Последствия этих процессов для общественного климата нетрудно просчитать. Когда вы сталкиваетесь с экономической деградацией, наложенной на обезлюдивание, вряд ли вы проявите тот же уровень симпатий к беженцам, какой проявляют ваши более благополучные соседи. Растущая поддержка националистических пар-

1 Примечательно, что главный протагонист этого концепта Джордж Сорос у себя на родине в Венгрии постепенно превратился едва ли не в символ зла.

2 Впервые эта объяснительная схема прозвучала в 1991 г., когда разразилась война в Югославии: ее списали на «всплеск атавистических инстинктов», который в свою очередь возводился к особенностям менталитета балканских народов (симптоматичен, кстати, термин «балканизация», активно использовавшийся западными наблюдателями).

тий с антимигрантской (ксенофобской) повесткой в данной ситуации практически неизбежна.

I.3. Российский кейс

Описывая Россию периода ее перехода в постсоветское качество, исследователи выделяют три основных тренда. К ним относятся массовая демократическая мобилизация; массовая националистическая мобилизация и региональный сепаратизм [Рогов 2021]. На сегодняшний момент все три тренда погашены центральной властью. Активисты демократического движения стигматизированы как антигосударственный элемент, причем как на уровне публичной риторики («пятая колонна», «друзья киевской хунты»), так и на уровне изменений в правовом поле (законы об иностранных агентах и нежелательных организациях). Активисты националистического движения либо маргинализированы, либо приручены (лоялистские организации начиная с «Наших» и «Ночных волков» и заканчивая движениями типа НОД и Serb, само существование которых возможно благодаря государственному финансированию). Лидеры регионов (губернаторы и главы национальных республик) лишены автономии благодаря отмене принципа выборности и изменениям в налоговом кодексе. Националистический дискурс достаточно эффективно контролируется из центра, а те его субъекты, которые претендуют на субъектность в производстве этого дискурса, подвергаются прямым репрессиям[1].

Российский кейс в интересующем нас контексте обычно обсуждается на фоне вопросов о «русских маршах», экстремистских организациях вроде БОРН и прочих радикальных проявлений этнонационализма в центральных регионах России. Между тем у русского национализма есть не только оппоненты в виде черкесского, татарского, удмуртского и иных нерусских национализмов. Сам русский национализм не сводится к идеологиям и движениям, ассоциируемым с персонажами вроде Дмитрия Демушкина или ныне покойных Максима Марцинкевича и Эдуарда Лимонова. Если угодно, он существует на другом уровне, будучи растворен в публичном дискурсе до такой степени, что вообще перестает восприниматься большинством как национализм. Это система молчаливых допущений, мыслительных привычек и рутинно циркулирующих нарративов, которые Майкл Биллиг [Billig 1995; Биллиг 2007] удачно назвал «ба-

1 Типичный пример — лидер организации «Артподготовка» Вячеслав Мальцев. Алексей Навальный в данном контексте не типичен, поскольку в процессе своей политической эволюции он от этого дискурса дистанцировался.

нальным национализмом». В этом контексте быть русским означает принадлежать сверхэтническому культурно-политическому целому по имени Россия. Однако российская история слишком сложна и противоречива, чтобы такая интерпретация русскости была принята всем российским обществом. У нас нет единой исторической памяти, а значит — нет консенсуса по поводу оснований национальной общности. Если для определенной части россиян такие фигуры, как, скажем, генерал Ермолов, — безусловные национальные герои, то для другой его части это монстры, вызывающие однозначное отторжение. Очередная годовщина взятия Казани — праздник или событие, отмечать которое следует как-то иначе, учитывая чувства потомков тех, кто был жертвами тогдашней резни. А в какую символическую оболочку нужно облечь 23 февраля для чеченцев и ингушей, предков которых именно в этот день 1944 года скопом погрузили в товарные вагоны и перевезли в Казахстан? Каких памятников достоин Ахмет-Заки Валиди, которого в Уфе считают самым великим сыном башкирского народа после Салавата Юлаева, а в Москве причисляют к врагам России?[1] Все эти вопросы пока не дождались честного и открытого обсуждения.

I.4. Постсоветские страны как «национализирующиеся государства»

Для анализа политической динамики в постсоветских странах продуктивным оказывается понятие «национализирующееся государство», введенное в научный оборот Роджерсом Брубейкером [Brubaker 1996]. Если старые национализирующиеся государства, такие как Польша, появились на востоке Европы в результате Первой мировой войны, то новые возникли на карте мира вследствие распада Югославии и СССР. Они являются национализирующимися в той мере, в какой их элиты ориентированы на идеал национального государства как культурно гомогенного. Перед нами фундаментальный принцип национализма, а именно совпадение политических и культурных границ. А поскольку данный принцип в этом регионе обычно не реализован, правящие группы рассматривают собственное государство как пустую оболочку, которую предстоит наполнить национальным содержанием.

В результате руководство такого государства обнаруживает приверженность следующим допущениям: а) в структуре населения

1 В начале 2021 года бюст Валиди, установленный во дворе Санкт-Петербургского университета, был демонтирован по распоряжению генпрокуратуры, которая причисляет его к «пособникам нацистов».

страны имеется «национальное ядро», или «нация-ядро» (core nation), понимаемая в этнокультурном смысле и не тождественная совокупности граждан; б) государство понимается как собственность такой «нации»; в) нация рассматривается как ослабленная или больная и потому нуждающаяся в лечении; г) государство должно предпринимать специальные меры по развитию и укреплению ее культуры, языка, а также экономического благосостояния и политической гегемонии; д) все эти меры являются легитимным ответом на предшествовавшую дискриминацию [Brubaker 2011].

Сам Брубейкер проиллюстрировал собственную теорию, взяв в качестве эмпирического материала четыре постсоветских государства: Эстонию, Латвию, Украину и Казахстан. Углубленный и актуализированный анализ украинского кейса читатели найдут в статье Георгия Касьянова в настоящем выпуске. Политика национализации в трех балтийских государствах всесторонне исследована в коллективной монографии под редакцией Вадима Полещука и Валерия Степанова [Полещук, Степанов 2013][1]. Попытку включить в контекст проблематики национализирующегося государства случай России предпринял недавно в Александр Осипов в соавторстве с вашим покорным слугой [Малахов, Осипов 2021]. Среднеазиатские версии национализации государства проанализированы в работах Сергея Абашина [Abashin 2012].

I.5. Национализм в эпоху пандемии

КОВИД-19 спутал все карты и опрокинул все привычные оппозиции. Когда разразилась пандемия и государства стали предпринимать ограничительные меры, реакция на них оказалась парадоксальной. Либералы, которые по определению должны выступать за максимизацию свобод, утверждали, что принимаемые меры слишком мягкие, они требовали от государства более авторитарного поведения. И напротив, архиконсерваторы, например, из числа священнослужителей Русской православной церкви Московского патриархата, обвиняли власти в нарушении базовых свобод, т.е. отстаивали повестку, казалось бы, приватизированную либералами. Равным образом поплыла грань, отделяющая левых от правых. На митингах КОВИД-диссидентов в Европе, пусть и немногочисленных, но повсеместных, плечом к плечу стоят анархисты и неонацисты, либертарианцы и ультраправые, активисты промигрантских организаций и сторонники Пегиды. В Соединенных Штатах антимасочные про-

1 От взгляда внимательных читателей не ускользнет, что Вадим Полещук присутствует в данном выпуске в качестве автора раздела рецензий.

тесты объединили антифашистов и белых супрематистов.

Ожидания и мотивации разных сегментов общества столь противоречивы, что любая стратегия правящих групп наталкивается на нешуточное сопротивление, в которое порой вовлечены до половины граждан. Националистически настроенные лидеры, поначалу вообще отрицавшие реальность пандемии, поплатились за это либо утратой популярности (Жаир Болсонару), либо утратой власти (Дональд Трамп). Если власти вводят жесткий локдаун, часть общества обвиняет их в уничтожении рабочих мест и разрушении экономики. Если же они ради поддержания экономической активности отказываются от ограничительных мер (или ослабляют уже существующие), их упрекают в равнодушии к здоровью и жизни населения. Лидеры государств в итоге обречены совершать политический шпагат, ибо не знают, как поведет себя их электорат на ближайших выборах. Ирония ситуации в том, что электорат тоже этого не знает.

В 2020 г. мы стали свидетелями, а кое-кто и жертвами, новой формы национализма. Имя ему «вакцина-национализм». Речь здесь идет о двух вещах. Во-первых, о свирепой конкуренции между государствами-производителями вакцины (точнее, вакцин) за первенство в миссии избавления человечества от этой напасти. Во-вторых, о национальных эгоизмах в том, что касается распространения вакцины. Отдельный сюжет представляет собой вопрос о доступе к вакцинированию для стран бывшего третьего мира. Принципы капиталистического рынка работают так, что за неполный год с момента появления вакцин кто-то (обладатели патентов на их производство) стал миллиардером, а кто-то (жители бедных и беднейших регионов мира) погрузился в еще более отчаянную безысходность, чем до пандемии. Лидеры развитых стран вроде бы не отрицают понятие «общее благо», но общность, которая при этом имеется в виду, явно относится не к человечеству в целом. И если участники политических дебатов стремятся показать неприемлемость стратегии национального эгоизма, они вынуждены прибегать к аргументам, достойным античных софистов.

Они говорят примерно следующее. Современная экономика столь глобализирована, что на территории любого государства всегда есть и будут работники из неблагополучных стран, и если вы не хотите, чтобы они вас заразили, они должны быть вакцинированы. Таким образом, планетарная вакцинация — это не вопрос глобальной справедливости, а вопрос национальной безопасности.

II.

В данном выпуске выходит перевод хрестоматийной работы Андреаса Виммера и Нины Глик Шиллер о «методологическом нацио-

нализме». Эта работа столь влиятельна и ее так активно обсуждали в международном обществоведении, что по поводу ее отсутствия в русскоязычном научном обиходе можно только печалиться. Авторы начинают с констатации того факта, что национализм как феномен был, по сути, проигнорирован социальной наукой. На протяжении полувека — от классиков социологии до социологического мейнстрима 1950-1960-х годов — на национализм смотрели как на реликт домодерна, который по мере прогресса модернизации будет все дальше уходить в прошлое. Этот тезис можно счесть тривиальным, поскольку в течение последней трети XX века многие ученые попытались наверстать упущенное. Достаточно вспомнить изящное эссе Исайи Берлина и провокативную книгу Тома Нейрна [Berlin 1978; Берлин 1992; Nairn 1977]. Но далее наши авторы делают весьма нетривиальное утверждение. Они показывают, что дело не в том, что социальные ученые *просмотрели* некий важный объект, а в том, что они *не были способны этот объект разглядеть*. Тому препятствовало устройство их взгляда, которое Виммер и Глик Шиллер предлагают именовать «методологическим национализмом». Последний заключается в нерефлексивном допущении, что мир естественным образом поделен на нации (национальные общества и национальные государства). Иными словами, классики социологии не считали национализм достойным предметом изучения постольку, поскольку были националистами не в идеологическом, а в эпистемологическом смысле. Национализм потому и оказался слепым пятном их исследований, что сама их оптика была националистической.

В силу господства этой оптики общественная наука проходила мимо таких феноменов, как транснациональные миграции и транснациональные сообщества. Последние изучались исключительно в национальной рамке. И когда на рубеже 1990-2000-х годов вдруг возникла мода на транснационализм, у многих было ощущение, что новая парадигма обусловлена появлением нового объекта. Между тем, как показывают авторы, этот объект существовал давно, по меньшей мере с 1870-х годов, однако у социальных ученых не было концептуальных средств, позволяющих его увидеть. Отсюда характерное для вдохновленных постмодернизмом авторов противопоставление статичного прошлого флюидному настоящему.

За время, истекшее с момента выхода в свет этой новаторской статьи, эпистемологическая ситуация заметно изменилась. Уже к 2010-м годам мода на транснационализм захватила столь большое число умов, что публикации, выполненные в одноименной парадигме, стали множиться, как грибы. В результате возникла потребность в ревизии [Капустина, Борисова 2020]. Не то чтобы базовые тезисы Виммера и Глик Шиллер не выдержали эмпирической про-

верки, но вдохновленные ими исследования зачастую оказывались не очень продуманными. В самом деле то, что в современном мире происходит формирование лояльностей и идентичностей поверх национальных границ, бесспорно. А вот происходит ли при этом смещение «членства», «принадлежностей» (membership, belonging) в сторону «постнациональных» форм? Скорее нет, чем да. Напротив, в наши дни наблюдается, с одной стороны, расширение и усиление связей наций-государств со своими эмигрантами (с диаспорой), а с другой стороны, расширение и усиление ожиданий диаспор по адресу страны исхода [Brubaker 2015: 7]. Иными словами, формируются новые формы внешнего членства (в отличие от членства внутреннего). Но последние не являются ни трансгосударственными, ни транснациональными [Joppke 2010]. Перед нами не пости не транс-национализм, а *трансграничный национализм*. Иными словами, речь идет об адаптации национальных государств к новым условиям, а не преодолении национальных государств.

В разделе «Теория» читателей ждут статьи двух авторов, зарекомендовавших себя как вдумчивые исследователи с завидным кругозором. Это историки Андрей Тесля и Алексей Зыгмонт.

В статье А. Зыгмонта затрагивается одна из самых интригующих теоретических проблем, связанных с национализмом как идеологическим и психологическим феноменом, а именно национализм и религия. Исследователи давно констатировали то обстоятельство, что национализм — это, по сути, *гражданская религия* (religion civile, о необходимости выработки которой для просвещенного государства писал еще Руссо). Национализм приходит на смену религии как основе солидарности вместе с секуляризацией общества (которая неотделима от отказа от монархического понимания суверенитета в пользу идеи народного суверенитета). В этом отношении национализм можно рассматривать как идейную и эмоциональную альтернативу религии в условиях модерна. Национализм представляет собой обязательную идеологию модерного (по определению национального) государства. Но А. Зыгмонт привлекает внимание к другому аспекту эпохального исторического поворота: к функционированию *национализма в качестве религии* (точнее, квазирелигии). Обращаясь к эпохе Французской революции, задавшей парадигму перехода от *ancien régime* к политическому порядку нового типа, он показывает, что национализм для деятелей революции был в каком-то смысле религией. От религии как таковой его отличало лишь отсутствие трансцендентного начала и загробной жизни, однако культы и ритуалы, разработанные тогдашними политтехнологами, с лихвой компенсировали эту недостачу. Мотором, обеспечивавшим работу всей идеологической машины, был культ мучеников революции. Таким образом, перед нами почти религия, на что не уставал напирать Бенедикт Андер-

сон, подчеркивая уникальность национализма по сравнению с другими идеологиями. Практически каждое национальное государство за прошедшие со времен Французской революции два с лишним столетия сформировало систему мифов и ритуалов, служащих демонстрации приверженности нации и в то же время производящих эту приверженность. Сакрализация национальных героев, как и великого прошлого нации, не предполагает критической рефлексии. Она иррациональна так же, как иррациональна религиозная вера. От граждан, вовлеченных в ритуалы почитания национальных символов, ожидается самозабвенная вовлеченность.

А.Тесля, обращаясь к идейному наследию Александра Герцена, обращает внимание на своеобразный парадокс. С одной стороны, для русских социалистов, таких как Герцен, характерна подозрительность к любым версиям национальной идеи. Они видят в ней попытку власти навязать сверхклассовую идентичность и солидарность вопреки конфликту интересов между отдельными социальными группами. С другой же стороны, русские социалисты не замечают своего собственного национализма. Они в такой мере отождествляют себя с состоявшимся политическим целым (российским государством), что обнаруживают глухоту к чаяниям нерусских. Это выразилось, среди прочего, в неготовности позднего Герцена поддержать лозунг «За вашу и нашу свободу!» применительно к польскому национальному движению.

Раздел «Исследования» открывается статьей Антона Шеховцова о крайне правых в современной Европе. Автор проясняет несколько важных моментов. В первую очередь это содержание и объем понятия «крайне правые». Перед нами зонтичный термин, объединяющий огромное множество движений и идеологий, от откровенных неофашистов до сравнительно респектабельных партий, участвующих в электоральном процессе. Что между ними общего? Ответ: ультранационализм. То есть такая форма национализма, в которой принцип нации (при широкой вариативности истолкований этого слова) мыслится как приоритетный по отношению к правам и базовым свободам человека. Идеологии этого типа были весьма влиятельными в Европе между двумя мировыми войнами, но после победы над Германией Гитлера и Италией Муссолини отодвинулись на периферию политического поля. Шеховцов выделяет три формы их сегодняшнего бытования. Первая — революционный (в терминологии Роджера Гриффина, «палингенетический»[1]) ультранацио-

1 От слова «палингенез», используемого в геологии (появление новых пород в результате вулканического извержения). В переносном смысле речь идет о радикальном обновлении общества посредством насилия.

нализм, приверженцы которого, строго говоря, изолировали сами себя от политики в силу своей явной связи с дискредитировавшим себя фашизмом. Вторая — так называемые новые правые (позднее европейские новые правые). Это скорее интеллектуальное, чем политическое явление, представленное сетью аналитических центров, журналов, регулярных конференций и т.д. Его родоначальник — французский философ Ален де Бенуа, взгляды которого (равно как и взгляды многих единомышленников и продолжателей) трудно однозначно отнести к фашистской идеологической семье, так что ряд исследователей в данном случае ведет речь о специфическом постмодернистском идеологическом синтезе. Этой системе воззрений наряду с антииндивидуализмом и антиэгалитаризмом свойствен также крайне правый мультикультурализм. Если либеральный мультикультурализм ищет формулу демократического общежития в условиях культурных отличий между гражданами, то протагонисты крайне правой версии мультикультурализма сдвигают фокус внимания с граждан на культуры, якобы несовместимые и потому обреченные на конфликт. В этой картине мира стирание культурных различий и любые формы культурной гибридизации предстают как угроза (национальной) идентичности. Наконец, третья форма ультранационализма — крайне правые партии и движения. Перед нами опять-таки широчайший спектр позиций, зачастую противоречащих друг другу. В среде партий, относимых к крайне правым, встречаются и такие, которые сочетают правые (авторитарные, антидемократические) *политические* идеи с левыми *экономическими* идеями. Здесь можно встретить и антикапиталистическую, и «инвайронменталистскую» риторику, рифмующиеся, соответственно, с повесткой левых и зеленых. И все же при всех различиях между ними для всех таких партий характерны вера в реальность гомогенной, органической нации; романтически-популистское представление о политическом порядке, заостренное против либерально-демократического его устройства, а также категорическое неприятие индивидуалистических и универсалистских принципов.

Другой важный момент, проясняемый автором, — это различение между крайне правыми *радикалами* и крайне правыми *экстремистами*. Казалось бы, граница между ними абсолютно условна. И тем не менее она существует. Если радикалы критикуют демократический порядок (призывая к его переустройству), то вторые стремятся его разрушить. Первые действуют в конституционном поле, вторые же отрицают сами основания конституционного порядка, подтверждая это периодическими насильственными действиями.

Кроме того, из статьи Шеховцова читатели узнают о внешнеполитических воззрениях европейских крайне правых. Они могут расходиться по таким вопросам, как отношение к НАТО и США (боль-

шинство — противники американской гегемонии и, следовательно, НАТО, хотя встречаются и проамерикански настроенные крайне правые партии), но есть два пункта, по которым они демонстрируют единство. Это антиглобализм и антииммиграционная настроенность. Что касается России, то отношение к ней в этой среде до недавнего времени было либо индифферентным, либо, как в случае ультранационалистов из стран Балтии и бывшего социалистического лагеря, негативным. Однако начиная с третьей каденции В. Путина отношение к России изменилось. Большинство крайне правых симпатизируют Кремлю, усматривая в российской политике вызов глобализму, американизму и либерализму.

В продолжение разговора об ультранационалистах в современной Западной Европе Андреас Умланд поднимает вопрос о роли и месте их единомышленников в сегодняшней Украине. Его тезис прозрачен и хорошо обоснован. А именно: несмотря на широко распространенное впечатление о том, что ультранационалисты играют едва ли не первую скрипку в украинской политике, они остаются маргиналами. Их электоральная поддержка в общенациональном масштабе крайне низка. Вместе с тем мимо внимания автора не проходят два обстоятельства. Во-первых, представители этой части политического спектра могут быть достаточно заметными и влиятельными игроками на местном уровне. Во-вторых, украинский политический мейнстрим предпочитает скорее приспосабливаться к националистическим радикалам, чем противостоять им. Отсюда печальный прогноз автора: вполне вероятно, что Украина эволюционирует в ту же сторону, в какую эволюционировала, к примеру, Венгрия — с откровенным скепсисом ее руководства к ценностям прав человека и столь же откровенной приверженностью антидемократическому, авторитарному стилю правления.

Украинскую тему продолжает статья Георгия Касьянова, которой мы уже успели кратко коснуться выше в контексте проблематики национализирующихся государств Восточной Европы и постсоветского пространства. Добавим к нашей картине лишь несколько штрихов. Вызов, стоявший перед украинским политическим классом после случившейся в 1991 г. независимости, во многом напоминал вызов, с которым столкнулись лидеры Италии в 1860 г. Киевское руководство в ту пору могло, перефразируя известный афоризм, сказать: «Украину мы создали — осталось создать украинцев». Практики национализации, о которых пишет Касьянов, были направлены не только на иноэтничное население страны, но и на этнических украинцев. В течение целого десятилетия оставался неясным вопрос национальной идентичности. Формула, найденная в начале 2000-х, гласила: Украина — не Россия. Почти как в случае с австрийцами, самоидентификация которых происходит посредством ди-

станцирования от Германии (Австрия — не Германия). Впрочем, проблематичность украинства как культурной и исторической категории — любимая (и истоптанная) тема современной российской публицистики. Трудно смириться русскому человеку с тем, что люди, которых в России привыкли рассматривать как братьев, захотели жить отдельно (см. стихотворение Бродского «На независимость Украины»). Так что в этом пункте автор идет в русле ожиданий травмированного российского читателя. Зато следующий его тезис этим ожиданиям скорее противоречит. Касьянов утверждает, что этнически русские в Украине считали себя (в политико-гражданском смысле) украинцами, Они не воспринимали Россию как «внешнюю этническую родину», как то предполагается брубейкеровской схемой. Своей родиной они считали именно Украину, а не Россию. Этим, собственно, и объясняется низкий уровень мобилизации населения юго-восточных областей вокруг сепаратистских лозунгов и провал проекта «Новороссия».

Российский кейс в нашем выпуске затрагивается в статье Гузель Юсуповой. Автор напоминает читателю о такой особенности России, как ее многонациональность. Хотя в официальном дискурсе периодически звучат отсылки к многонациональной природе российского народа, они носят скорее ритуальный характер. Социокультурному мейнстриму в нашей стране свойственно вытеснение того обстоятельства, что ее население состоит отнюдь не из одних русских. По состоянию, зафиксированному последней переписью, почти пятая часть граждан страны — этнически нерусские. И достаточно многие из них не хотят считать себя русскими даже в том великодушно-инклюзивном смысле, который им предлагают адепты «русского проекта» (когда ваша этничность рассматривается как нечто социально нерелевантное — релевантна лишь ваша культурная лояльность). В затухший было костер дебатов вокруг значения понятий «российский» и «русский»[1] недавно вновь подбросили дров. В качестве одной из поправок, внесенных в Конституцию, теперь отдельно выделено положение об особой «государствообразующей» роли русского народа. Эта новация наряду с рядом других символических жестов центральной власти[2] вызвала напряжение в среде нерусских интеллектуалов и общественных активистов. Они лишний раз убедились в том, что российский социокультурный мейнстрим склонен вообще игнорировать целый комплекс деликатных

1 Обзор этих дебатов см. [Малахов 2016].

2 Среди них новая редакция Закона об образовании (2018), в которой изучение родного языка в национальных республиках перестало быть обязательным, а также крымская речь В. Путина (апрель 2014), в которой русские названы «разделенным народом» [Blakisrud, Kolstoe 2018].

(этно)национальных чувств, которые испытывают жители Казани и Махачкалы, Владикавказа и Элисты, Уфы и Улан-Удэ. Гузель Юсупова выступает и аналитиком этого комплекса, и его носителем.

* * *

Назвав национализм ускользающим объектом, я стремился показать, что данный термин отсылает к слишком большому количеству предметов. Исследователи национализма изучают не столько национализм как таковой (его не существует), сколько те контексты, в которых участники социального взаимодействия ведут борьбу за контроль над значениями данного термина. Оценивать ли ту или иную форму национализма как прогрессивную/реформаторскую/гражданскую/эмансипаторскую или, напротив, как реакционную/этническую/ имперскую и т.д., и вообще маркировать ли некие политические силы как националистические (или же как патриотические) — это не столько вопрос академических дискуссий, сколько вопрос политической борьбы. А необходимой частью последней, как убедительно продемонстрировал Бурдье, является борьба за «стиль легитимного восприятия». Властью обладает тот, кто способен навязать свой стиль восприятия, свои правила установления легитимности (и соответственно нелегитимности) явлений, имеющих место на идеологическом поле.

Едва ли не каждое десятилетие несет с собой новый поворот в контекстах, в которых то или иное общество ведет дискуссию о национализме. Европейцы и американцы, в частности, склонялись в конце XX века к тому, что мир (во всяком случае мир западный) постепенно вступает в эру постнационализма. Однако затем произошло несколько событий (от миграционного кризиса до Брекзита и победы Трампа), которые заставили в этом усомниться. Эпидемия КОВИДА-19 на первый взгляд сильно обесценила акции глобалистов» и, напротив, подняла акции националистов. Стало казаться, что стратегия изоляционизма одержала верх над стратегией открытости. Но, повторю, лишь на первый взгляд. Пандемия показала не только потенциал национальных эгоизмов, но и их объективные ограничения. Ведь для того чтобы эффективно изолироваться друг от друга, государствам необходимо эффективно друг с другом сотрудничать. Меры, принимаемые в одностороннем порядке, вообще не приносят результатов. Равным образом для того чтобы обеспечить приемлемый уровень безопасности с точки зрения здоровья населения внутри страны (за счет его вакцинирования), вам нужно думать о вакцинировании населения за пределами страны, включая те регионы мира, в которых нет ресурсов ни для изобретения, ни для производства вакцин.

Итак, во втором десятилетии XXI века происходило то, что уже не раз происходило в истории. Наблюдался реванш национализма, за которым в очередной раз последовало контрнаступление антинационалистических сил. Точка в давнем споре не поставлена ни на политическом, ни на академическом поле.

Библиография / References

Бауман З. (2002) *Индивидуализированное общество*, М.: Логос.

— Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*, Moscow: Logos. — in Russ.

Берлин И. (2001) Национализм — вчерашнее упущение и сегодняшняя сила. *Философия свободы. Европа*, М.: НЛО: 333-365.

— Berlin I. (2001) Nationalism: Past Neglect and Present Power. *Philosophy of Freedom. Europe*, Moscow: NLO: 333-365. — in Russ.

Биллиг М. (2007) Повседневное напоминание о родине. *Логос: философско-литературный журнал*, 1 (58): 34-71.

— Billig M. (2007) Banal Nationalism. *Logos: Philosophical and Literary Journal*, 1 (58): 34-71. — in Russ.

Верховский А. (ред.) (2007) *Верхи и низы русского национализма*, М.: Центр «Сова».

— Verkhovsky A. (ed.) (2007) *The top and bottom of Russian nationalism*, Moscow: SOVA. — in Russ.

Верховский А. (2014a) Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма. *Pro et Contra*, 1-2 (62): 19-33.

— Verkhovsky A. (2014a) Ethnic policy of the federal government and the activation of Russian nationalism. *Pro et Contra*, 1-2 (62): 19-33. — in Russ.

Верховский А. (2014b) Динамика насилия в русском национализме. *Россия — не Украина: современные акценты национализма*, М.: Центр «Сова»: 32-61.

— Verkhovsky A. (2014b) Dynamics of violence in Russian nationalism. *Russia is not Ukraine: modern accents of nationalism*, Moscow: SOVA: 32-61. — in Russ.

Гирц К. (2004) Ислам, модерн, национализм: Интервью с Клиффордом Гирцем. *Ab imperio*, 3: 91-111.

— Geertz C. (2004) Islam, Modernity, Nationalism: Interview with Clifford Geertz. *Ab imperio*, 3: 91-111. — in Russ.

Иглтон Т. (2017) *Почему Маркс был прав*, М.: Карьера Пресс.

— Eagleton T. (2017) *Why Marx was right*, Moscow: Career Press. — in Russ.

Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха*, М.: ИД ВШЭ.

— Castells M. (2000) *The Information Age*, Moscow: HSE. — in Russ.

Капустин Б. (2001) Конец транзитологии? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). *Полис: политические исследования*, (4): 6-26.

— Kapustin B. (2001) The end of «Transitology»? *Polis. Political Studies*, (4): 6-26. — in Russ.

Капустина Е., Борисова Е. (2020) Введение: Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма. С. Абашин, О. Бредникова (ред.). «*Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность*, М.: Новое литературное обозрение.

— Kapusitna E., Borisova E. (2020) Introduction: An overview of the theoretical discussion on the concept of transnationalism. S. Abashin, O. Brednikova (eds) *Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality,* Moscow: NLO. — in Russ.

Кедури Э. (2010) *Национализм. 4-е изд.*, Спб: Алетейя.

— Kedorie E. (2010) *Nationalism. 4-th ed.,* Saint Petersburg: Aletheia. — in Russ.

Крастев И. Тернии нормальности: конец эпохи имитации. *Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя*, М.: НЛО: 46-65.

— Krastev I. (2021) The thorns of normality: the end of the era of imitation. *Dismantling Communism: Thirty Years Later,* Moscow: NLO: 46-55. — in Russ.

Малахов В. (2016) Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций*, М.: Политическая энциклопедия: 190-202.

— Malakhov V. (2016) Nation and Cultural Diversity in Imperial, Soviet and Post-Soviet Russia. V. Tishkov, E. Filippova (eds) *Cultural complexity of modern nations,* Moscow: Political Encyclopedia: 190-202. — in Russ.

Малахов В., Осипов А. (2021) Динамика этнокультурной политики в России, Казахстане и Украине: отложенная «национализация»? *Мир России*, 30 (2): 26-47.

— Malakhov V., Osipov A. (2021) The Dynamics of Ethnocultural Policy in Russia, Kazakhstan and Ukraine: Delayed “Nationalization”? *Universe of Russia,* 30 (2): 26-47. — in Russ.

Нейрн Т. (2007) От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа. *Логос: философско-литературный журнал*, 1(58): 14-33.

— Nairn T. (2007) Faces of Nationalism: Janis Revisit. *Logos: Philosophical and Literary Journal*,1 (58): 14-33. — in Russ.

Поланьи К. (2002) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*, СПб: Алетейа.

— Polanyi K. (2002) *The Great Transformation*, Saint Petersburg: Aletheia. — in Russ.

Полещук В., Степанов В. (ред.) (2013). *Этническая политика в странах Балтии,* М: Наука.

— Poleshhuk V., Stepanov V. (eds) (2013) *Ethnic policy in the Baltic states,* Moscow: Nauka. — in Russ.

Рогов К. (2021) Введение: драма ожиданий /драма пониманий. Тридцать лет транзита и споров о нем. *Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя.* Коллективная монография, М.: НЛО: 8-45.

— Rogov K. (2021) Introduction: Drama of Expectations/Drama of Understandings. Thirty years of transit and disputes about it. *Dismantling Communism: Thirty Years Later,* Moscow: NLO: 8-45. — in Russ.

Тишков В.А., Шнирельман В.А. (2007) Введение. Как и зачем надо изучать национализм. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред.) *Национализм в мировой истории,* М.: Наука: 4-35.

— Tishkov V.A., Shnirelman V.A. (2007) Introduction. How and why one should study nationalism. V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman (eds) *Nationalism in world history,* Moscow: Nauka: 4-35. — in Russ.

Abashin S. (2012) Nation-construction in post-Soviet Central Asia. *Soviet and Post-Soviet Identities.* M. Bassin, C. Kelly (eds), Cambridge: Cambridge University Press.

Billig M. (1995) *Banal Nationalism*? London: Sage.

Brubaker R. (1996*) Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Brubaker R. (2011) Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. *Ethnic and Racial Studies*, 34 (11): 1785-1814.

Brubaker R. (2015) *Grounds for Difference*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Blakkisrud H., Kolstoe P. (eds) (2018) *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity, 2010-2017*, Edinburg: Edinburg University Press.

Deutsch K. (1966) *Nationalism and Social Communication: An Enquiry into the Foundations of Nationality,* Cambridge: MII Press.

Guibernau M. (1996) *Nationalisms: The Nation States and Nationalisms in the Twentieth Century*, Cambridge: Polity Press. Hall J. (1993) Nationalisms: classified and explaine. *Daedalus*, 122 (3).Joppke C. (2010) *Citizenship and Immigration,* Cambridge; Malden, MA: Polity.

Kedourie E. (1960) *Nationalism,* London: Hutchinson.

Nairn T. (1977) *The Break up of Britain: Crisis and Nationalism*, London: NLB.

Nairn T. (1997) *Faces of Nationalism: Janus Revisited*, London; New York: Verso.

Verkhovsky A. (2018) The Russian Nationalist Movement at Low Ebb. H. Blakkisrud, P. Kolstoe (eds) *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity,* 2010-2017, Edinburgh: Edinburgh University Press.

Рекомендация для цитирования:

Малахов В.С. (2021) Национализм: ускользающий объект. *Социология власти*, 33 (2): 8-30.

For citations:

Malakhov V.S. (2021) Nationalism: an Elusive Subject. *Sociology of Power*, 33 (2): 8-30.

Поступила в редакцию: 19.05.2021; принята в печать: 28.05.2021

Received: 19.05.2021; Accepted for publication: 28.05.2021